Битте, камрад

Валентина Васильевна Чудакова

SHOUT
SHARE
IT

- Чудакова Валентина Васильевна

Чудакова Валентина Васильевна
Битте, камрад

Валентина Васильевна Чудакова
"Битте, камрад"

Ранней весной сорок третьего года после зимнего наступления встали мы в оборону на реке Осьме, на Смоленщине. Пополнение получили. Три недели день и ночь вкалывали, долбя еще не оттаявшую землю. От кайл, ломов и лопат кожа у каждого трижды с ладоней слезала. С помощью полковых саперов построили дзоты, пулеметные площадки открытые, жилые землянки, траншею с двух флангов до стыка с соседями дотянули. И зажили почти мирно. Повезло нам - не оборона, а санаторий. Тишина!.. Фашисты, можно сказать, и не стреляют. Даст миномет ихний два раза в сутки по нашей Лысой горе, а на ней - пусто, нет никого и ничего. Пулеметы МГ тоже помалкивают, а если когда и стреляют, то вроде бы неприцельно. Проверяли мы: не раз фанерные мишени из траншеи под огонь высовывали - ни одной пробоины! Стало быть, вражеские пули где-то высоко идут, как при ведении огня на самой безопасной отметке шкалы прицела. Подивились мы такому делу: с чего это, дескать, фашисты подобрели? В наступлении каждую деревушку приходилось брать с боя, да и то не с первой атаки, а тут присмирели! Впрочем, черт с ними. Раз не лезут, и мы помалкиваем - патроны экономим.

А красота кругом неописуемая! Окрест - холмы песчаные, корабельным сосняком поросшие, на нейтралке тихая речка голубеет, прибрежные березки окутались нежно-зеленой дымкой. А в них кукушка фронтовая во все горло дробит - долгую жизнь солдатам предсказывает. Над нашим бруствером сплошной сине-сиреневый ковер из мохнатых колокольчиков сон-травы. На пулеметных позициях глазастые ромашки через маскировочные сети к солнышку яростно прорываются. Живем!.. Как будто и не война.

И вот однажды на рассвете немец к нам перебежал. Речку переплыл, минное поле благополучно миновал и ползет ужом в траве по нейтралке прямо на наш центральный пулеметный капонир. А мы уже поджидаем. Подпустили к самому бруствер да: "Хенде хох!" А перебежчик автомат мне свой дулом назад протягивает, а сам плачет и смеется.

Подхватили мы его под руки и в траншею втащили. А он лопочет по-немецки и по-русски и все плачет и смеется. Пожилой немчище, вроде бы уже и возраста непризывного. И не

белобрысый, а черный такой, как жук. А по имени Эрик, Мы смеемся и от избытка чувств этого самого Эрика по плечам хлопаем: "Молодец, камрад!" И кашей кормим и махоркой щедро угощаем. Известное дело - русское сердце отходчиво. Пока наш комбат в штаб полка звонил, разговорились мы с перебежчиком по душам. Многие из нас, недавние школьники, примерно так же говорили по-немецки, как Эрик по-русски. Однако самое главное мы поняли. Ларчик-то просто открывался: эсэсовцев, которых мы зимой колошматили, Гитлер в спешном порядке на юг перебросил. А перед нами поставил (лишь бы брешь в обороне заткнуть) вояк вроде Эрика - с бору по сосенке. В батальоне Эрика народ немолодой, нездоровый, насильно мобилизованный на третьем году войны. Многие в первую мировую уже побывали в русском плену, в том числе и Эрик, и больше воевать против русских не хотят. Они бы и сдались в плен, сказал Эрик, да боятся за свои семьи. И опять же пропаганда! Доктор Геббельс по радио клялся, что коммунисты пленных пытают и расстреливают.

- Во брешет, хромой пес! - возмутился сержант моей роты Непочатов. И сказал доброжелательно Эрику: - Ты бы, камрад, шумнул своим однополчанам, чтоб не верили. Пусть сдаются без волынки. Что-то нам таких, как ты, неохота убивать...

- Гут, - согласился Эрик. - Зер карашо. - И тут за ним пришли из штаба.

Вскоре состоялся у нас большой полковой праздник: прямо на переднем крае ордена и медали вручали героям зимнего наступления. Начальство к нам полковое и дивизионное пожаловало, газетчики, фотографы, а вместе с ними битте-дритте - наш знакомец Эрик! Обнимает нас всех по очереди, целоваться лезет. Оказывается, с его согласия его оставили при штабе дивизии агитатором. В руках у него огромный рупор из зеленой жести, а на шее автомат - наш, советский.

По просьбе высоких гостей мои ребята-пулеметчики концерт устроили тут же в траншее. Частушки пели, которые я сочиняла для "боевого листка", плясали "под язык".

Сидит Гитлер на березе,

А береза гнется...

И вдруг из немецкой траншеи (а до нее рукой подать) сразу в несколько голосов:

- Браво, Иван! "Катюшу", битте, зинген!

И артисты, и гости так и покатились со смеху. И Эрик наш смеется. А мы опять запели пуще прежнего.

На радость всей Европе

Повесим Риббентропа.

А Гитлера - тем паче!

И Геринга, и Гимлера,

И Геббельса в придачу!

- Браво, Иван! Гитлер капут!.. - Но тут, видно, ихние офицеры понабежали. Хай подняли несусветный. Стрельба началась. И мы - к пулеметам. Гости наши ушли. А Эрик со своей трубой остался. Вечером начал кричать: "Дейчшен золдатен унд официррен!" Голос по речной пойме далеко разносится. Слушают во все уши. Молчат. И потом запиликали в десяток губных гармошек - тирольский вальс наяривают. А мы слушаем. И так почти каждый вечер. Вскоре трое перебежали на нашу сторону. Потом еще один. И все из батальона Эрика. На том и кончилось наше "братанье". Фашисты опять часть заменили - снова перед нами оказались эсэсовцы. Ну уж с этим зверьем мы по-другому разговаривали - только на языке оружия.

А Эрик с нашей дивизией до самого Берлина дошел. Потом следы его затерялись. Может быть, жив и нас добрым словом вспоминает в кругу своих внучат в новой Германии.